

ФРЁКЕН ДЕЖАВЮ

ПЕСНИ НЕВОЗВРАТА

В. С. С.

1

Смотри, так выбывают из игры,
так покидают звёздные пиры
кометою, сгоревшей в одночасье
и выбравшей себе иное счастье —
не быть среди счастливых...
так, смеясь,
с дурной эпохой порывают связь
и больше не хотят ни с кем общаться.

Смотри, так оставляют всё как есть,
так ничего не оставляют людям,
тебе кричащим: мы тебя забудем,
если уйдёшь... останься с нами здесь!
Они не раз твою припомнят спесь
и то, как занимался словоблудьем —
способный, но избалованный весь.

Так покидают толчею мирскую:
ни жалобы, ни вздоха, ни следа,
так молятся о том, чтоб никогда —
чтоб больше никогда и ни в какую!
И сдав кому ни попадя на съём
просторную пустую мастерскую,
так прекращают думать обо всём.

Простившись — или даже не простившись,
так просто исчезают с глаз долой
и прячутся от жизни пожилой
в четверостишьях — или пятистишьях,
как в путаных предгорьях Ёсино,
где встретить никого не суждено
на белых тропах во всевышних вишнях.

Ну вот... а что касается чужбины,
то — перестаньте-я-вас-умоляю:
я слов подобных не употребляю
и не хожу в подобные глубины.
Весь пафос мой промчался стороной,
И никаких развалин за спиной.

А чем живу — да старою любовью
одной... чей возраст роли не играет,
но более о ней не пустословлю:
чуть греет — вот и хорошо, что греет.
А что она протёрта на локтях —
так я ведь, как бы это... не в гостях.

Дела? Идут... то есть контора пишет —
от жалоб до ходатайств и заявок,
при этом пишет набело, без правок,
при этом пишет искренне, без фишек.
А то, что кровью пишет иногда, —
так ведь какое время, господи!

Короче, я живу и припеваю
небесную мелодию нон грата —
и жизнь моя беспечна кочевая,
и бесконечна песня невозврата
в ту строчку, в то пространство, в то число,
что остановлены на полусло.

Один язык останется со мною,
родной язык — всё прочее родное
внезапно перестало быть родным.
Вот как бывает, и рука немеет —
немеет и отныне не умеет
писать про сладкий и приятный дым

отечества... нет дыма без огня,
но это всё уже не про меня:
я не пойду в огонь ни вместе с вами,
ни ради вас, давно прошла пора
играть с огнём, и не моя игра —
игра с огнём, моя — игра словами

вот хоть и в прятки, или в поддавки,
или в лапту... мне, знаешь, не с руки
влиять на расписание событий
в краях, куда я больше не стремлюсь.
Союз сердец или другой союз —
не мой союз, любите — не любите.

Я ни гроша — и сколько ни убавь —
не дам за постороннюю любовь:
мне как-то и не важно быть любимым,
упоминаемым и дорогим.
Но я смотрю с тревогою на дым
отечества... огонь, огонь за дымом.

Та жизнь, откуда начались стихи,
прошла — а из того, что остаётся,
и на одну строфу не наскрести.
Но это всё такие пустяки,
покамест есть звезда на дне колодца
и не растаял леденец в горсти,

покамест сердце бьётся и покамест
мой карандаш порывист и смекалист,
и на окне пылает остролист,
покамест я при деле и покамест
луна мила, и месяц зубоскалист,
и чай имбирный крепок и английский.

Покамест это так — о, я богат,
и ночь нежна, и лёгок мой фрегат,
и паруса в талантливых пометках:
такой разноязыкий суррогат!
А сам я отбиваюсь наугад
от рифм — английских, датских и немецких.

Прости меня, мой отчий край, прости:
мне было слишком тесно взаперти,
а было бы сейчас ещё теснее.
И без меня там тесно, говорят...
дарю стране свой полный невозврат,
но всё никак не распрощаюсь с нею.

Есть вещи незабвенные: они,
обычно ничего не означая,
лишь беспокоят... запах, привкус, цвет.
Но мне-то что — я сделан из брони,
меня не сбить с пути ни чашкой чая,
ни запахом прохожих сигарет,

ни именем, вколоченным гвоздём
мне в память, не свернуть меня с дороги,
ни в сердце запечатанным числом.
Они мне говорят: пойдём, пойдём
раскаиваться, подводить итоги —
тут есть одно местечко за углом!

Но этим непутёвым ремеслом
давно мне заниматься не по чину:
я кто? Я ветерок в сухой листве —
и вовсе не затем оставил дом,
а чтоб найти всему первопричину
единственную... или даже две!

Увидимся ли, нет ли — всё равно,
пишите письма или не пишете:
и получу, так после не найду.
Есть вещи незабвеннейшие, но —
но не теперь, не так, не на ходу,
позднее, на санскрите... на самшите.

В ту сторону я больше не смотрю,
а если и смотрю, то вижу худо —
мне кажется, что вижу много блуда,
но, может, только кажется отсюда,
а может, я теперь такой зануда,
а может... может, дело к ноябрю.

Пропал, простите, всякий интерес —
и даже интерес к кофейной гуще:
всё сущее — оно на то и сущее,
чтоб гуща эта становилась гуще,
а мы, ещё недавно всемогущи,
отгадки отвергали наотрез.

Где ничего загадочного нет,
где просто всё как пареная репа,
где призрак появляется из склепа
с петлём, которая — всем скрепам скрепа,
там граждане в петлю шагают слепо
и будущее тихо плачет вслед.

Я не смотрю туда, а почему —
я не люблю таких больших идиллий,
кроме того, мы это проходили —
при «Пионере» и при «Крокодиле»,
и прародители нас прародили
по образу и духу своему.

Не как тогда, со скоростью улитки, —
теперь я убежал бы без оглядки
от этих мест святых, от этих мест,
где, никого в лицо не узнавая,
всех примирит порука круговая,
и бог не выдаст, и свинья не съест.

Не как тогда... когда я, как другие,
пуще чумы боялся ностальгии —
расплаты за ужасный неприезд:
что никогда мне до скончания света
не будет ни ответа, ни привета
из этих мест святых, из этих мест.

Не как тогда... теперь мне за державу —
за дежавю — совсем уже, пожалуй,
не горько: я сложил с себя сей крест.
Пусть там опять хоругви и парады —
мне больше ничего уже не надо
от этих мест святых, от этих мест.

Что мы устроим... ах, что мы устроим,
когда я вдруг назад вернусь героем:
как выпьем чарку за Святую Русь,
как зашумят высокие дубравы,
как вновь мы будем молоды и правы
в тот звёздный час, когда я не вернусь.

Нет-нет, я ни за что не отвечаю
и ни на что давно не претендую —
я, помнится, ушёл и запер дверь.
Иду и ног не чую и не чаю
нагнать в дороге строчку молодую —
немолодую, может быть, теперь.

Спиши меня в расход, маститый критик:
я не в контексте, даже и не в теме,
а просто совершенно не у дел —
не трожь моих энклитик и проклитик,
я паралитик, я не враг системе,
я постарел, поплёк и поседел.
Я заработал право на не-знание,
на не-решенье, на не-отношение
и на не-пониманье сразу всех,
и вся моя работа — заказная,
вся дорогая, я гоняю в шею
халявщиков, ибо халява — грех.

А кто и чем мне платит тут, на склоне
дней, гор... и, как их, строгости и страсти, —
моё собачье дело, господа.
Тут весь вопрос в небесном эталоне,
в дорожной шляпе и в дорожной трости —
не в гордости... ну разве иногда.

Сказать, что много есть чего сказать,
но не скажу, ибо не будет проку, —
так это лучше вовсе промолчать,
не затевать строку или абзац,
не предаваться более пороку
хождения в народ или в печать.

Хотя ведь из краёв, где я живу,
в народ не ходят, а в печать — тем паче:
другие здесь, высокие, задачи —
не тронуть ветку, не примять траву,
не сдвинуть камень, не стряхнуть росу
и паучка не тронуть на весу.

Когда-нибудь потом, упав ничком,
я стану веткой, камнем, паучком,
комариком из здешнего болотца:
пути судьбы чудесны и кривы —
и милый странник, не примяв травы,
посмотрит на меня и улыбнётся.

Никто не возвращается к себе:
пункт А не существует в пункте Б,
и что ни пункт — то новая утрата.
Но каждый раз рискуя головой,
ты празднуешь последний праздник свой —
волшебный, вечный праздник невозврата.

Мне надо всё уже переводить —
не потому, что плохо помню глоссы,
а потому что... новые колоссы
и каждый день — очередной вердикт.
Я сдался, мне уже не разобраться,
где что у вас — особенно где братство.

Я путаюсь в словах и словарях,
я больше никакой не собеседник,
я заблудился весь в моих осенних
годах и мыслях, словно твой варяг —
веками путешествующий в греки,
замороженный музыкой навеки.

Простите всех, идущих стороной,
простите всех, кто не идёт за вами
и кто неподходящими словами
смущает без нужды ваш рай земной:
они исчезнут вместе с прочей скверной —
как морок, как слуга ваш непокорный.

А то ведь как... в краю покорных слуг,
где каждый знает, что почём и сколько,
где всё путём, где без сопливых скользко,
где в будущность несётся грозный струг,
возврат есть часть сценария измены:
все прокляты, все квиты, все забвенны.

Нам лучше друг без друга.

Мой поход —

он продолжается уже не год,
не три, не пять, хоть, в общем, и не эру...
но говорю я это так, к примеру,
не вызывая никого к барьеру,
особенно — забывчивый народ.

Кто принял то, что я не смог принять,

и принимает всё это опять, —

они устали и хотят покоя:

их надо пожалеть и всё такое,
а странникам, как сам я, с их тоскою,
не место там, где их отец и мать.

Им место там, где больше нет родства,

где облака, деревья и трава

живут, хоть и все вместе, но поврозно,

где думать больше не о ком и поздно
хозяйничать, поскольку жизнь бесхозна —
и бесполезно подбирать слова.

Они везде, куда ни бросишь взгляд,

разбросаны по тропам невпопад —

и подобрал бы, только толку нету:

носи потом их на себе по свету —

расплатой за карету-мне-карету,
за весь мой бесконечный невозврат.

Наверно, я был создан покидать —
так, как другие созданы гадать,
зачем и почему их покидают.
Мы, покидающие, в меньшинстве,
у нас зелёный ветер в голове —
и пользы нет от нас, хоть и вреда нет.

Нет ничего от нас и никому
на свете... нас бы надо бы в тюрьму —
да раньше, а теперь уж опоздали.
Теперь уж мы не местные давно,
всё решено и твёрдо решено:
за нас горой стоят иные дали.

Пусть кровью обливается навзрыд
наш роковой и грозный невозврат,
который никому уже не страшен,
мы больше ничего не натворим:
наш бунт как таковой неповторим
на фоне тех же звёзд и тех же башен.

Хоть и сказали «занавес!» — но мы
уже не выйдем кланяться из тьмы:
следы простыли все на дальних тропах
в запутанных предгорьях Ёсино,
где всё навеки преодолено, —
крутите ваше старое кино
и празднуйте невинность.
Или опыт.

Со вселенной на ладони
наподобье спелой дыни,
здравствуй, здравствуй, цирк Бальдони,
полный детской дребедени,
детских сновидений...

Вот вам птичка, вот вам рыбка,
вот вам бубен, вот вам скрипка,
вот вам кролик — вял как тряпка,
вот вам клоун — глуп как пробка...
до чего ж всё хрупко!

Вот пушинка акробата
к небу гвоздиком прибита,
вот жонглёр литую битую
шлёт наверх, как на работу...
до чего ж всё круто!

Здравствуй, старенькая тайна
Барабаса-шарлатана,
моё имя Буратино...
всё на свете обратимо.

Я всё забываю, что Вас уже нет, —
простите меня,
всё шлю Вам и шлю то отчёт, то привет —
простите меня.

У нас холодает тут день ото дня,
но Кай, под окошком коньками звеня,
считает, что нам холода не во вред...
простите меня.

Я всё с чепухой к Вам, в отчётах моих
одна болтовня.

А тот ураган — он давно уже стих,
давно уже слёг:
и больше уже не трепещет мой флаг,
и выровнялся мой петляющий слог,
и я, видит бог, обошёлся без слуг,
слезая с коня.

Я сильно привык уже к этой стране:
крепчает броня.

Я Вас беспокою, а надо бы — не...
простите меня,
что на небо лезу с моею тоской,
а надо бы, видимо, дать Вам покой,
да как-то покоя всё нет под рукой —
простите меня.

Вы о какой замене равноценной
и о каком таком пути назад?
Слышны удары топора за сценой,
где старый мир и где вишнёвый сад.

Пока мы тут с мешками и тюками
по сцене, как в уже знакомом сне,
блуждаем, век наш грустный, истекая
слезами, мнётся где-то в стороне:
он там, в союзе с местным авиценной,
уверен, что недуг неизлечим.
Слышны удары топора за сценой —
чего же нам ещё, каких причин,
чтоб наконец собраться и убраться
(багаж проверив: плед, боа, жабо),
покуда не вошли из сада братцы —
братки — и нам не сделали бо-бо?

И — ни противоядьем, ни вакциной...
Но хорошо хоть то, что время есть.
Слышны удары... нет, не здесь — за сценой,
не здесь, за сценой.
Всё ещё не здесь.

Ах, дорогой калашный ряд,
где место есть, но, говорят —
тем, у кого другое рыло.
А с этим рылом, господа,
предупреждают: не сюда, —
и, чтобы неповадно было,
калашный запирают ряд
от всех чужих... от всех подряд.

Но в этом нет большой беды:
мы помним прежние ряды
калашные — и там, в оскале,
другие рыла, бог прости,
в почёте были и в чести,
и всяких лишних не пускали,
и тоже опускали взгляд,
и тоже запирали ряд.

Но есть ещё воздушный ряд,
и есть ещё всевышний ряд:
они ничьи, они свободны!
И все, кто стал в такой, ничей,
обходятся без калачей:
аскеты, птицы, вагабонды —
их, мирозданья на краю,
апостол Пётр ждёт в раю.

Мы просто забыли, как нас убивали, —
мы просто забыли, с какими словами,
мы просто забыли, с какими слезами
мы все замерзали.

Мы просто забыли, как нас увозили
из шумных гостей на бесшумной резине,
мы просто забыли, как люди в шинели
нас всех хоронили.

Мы дети, нам память отшибли незнакомой,
папановым волком, румяновым зайкой,
зелёновым геной с сакральной игрушкой —
в миру чебурашкой.

С нас нечего взять — удивляться ли нашей
тоске по заботливо нас доконавшей
эпохе распада, эпохе смятенья,
мы дети, мы тени.

Найдём в сундуке буквари и тетради,
кудрявый ребёнок с усмешкой во взгляде
проступит из серого облака пыли:
«Забыли? Забыли!»

Виноват — или нет, виновен,
что пришёлся не ко двору,
что паясничал, пустословил,
что тебя с собой не беру,
что того и сего не делал,
что витийствовал по ночам
и что чуждым небесным телом
по твоим небесам промчал.

Мне пора, мне давно настала
замечательная пора
выбыть, грешному, из состава,
бросить все свои номера.
Созвонимся по бестарифной.
Попрощаемся на углу.
Извини, что рассыпал рифмы
по обеденному столу.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru